

Спустя день ожидания Ли Жун наконец получил весточку от Чжан Чжаохэ.

Тот, как и прежде, сохранял благодушный тон:

— С чего вдруг ты решил дать интервью?

Ли Жун ответил не менее миролюбиво:

— Предложений было много, и я подумал, что момент настал. Выбрал издание с хорошей репутацией — пусть это будет ответом нашей семьи обществу.

Он прекрасно понимал: несмотря на то что он плохо поддается контролю, Чжан Чжаохэ всё еще не оставил попыток переманить его на свою сторону.

«В конце концов, прикрываться именами Ли Цинли и Гу Нун вечно невозможно, но совсем другое дело — держать в руках единственного наследника семьи Ли»

Собеседник тяжело вздохнул:

— Ты слишком торопишься. Воссоздание «Люйиньсюй» — дело колоссальной важности, требующее долгой подготовки. А ты вот так запросто объявил об этом всему миру. Боюсь, теперь найдутся те, кто захочет вставить нам палки в колеса.

Ли Жун ответил тоном, полным искреннего удивления и напускной невинности:

— Но я ведь пошел ва-банк и примкнул к Группе «Высокая башня». Я верю, что организация из двадцати тысяч человек обладает достаточной мощью, чтобы устранить любые препятствия.

Юноша знал, что так называемая «подготовка» — лишь способ потянуть время. Просто Чжан Чжаохэ, облачившись в мантию высокого моралиста, пока не решался действовать слишком открыто.

— Враг в тени, а мы на свету, — продолжал увещевать глава группы. — Осторожность не помешает. Не зря говорят: счастье любит тишину.

Ли Жун усмехнулся:

— А мне кажется, я просто «бью по траве, чтобы спугнуть змею».

Чжан Чжаохэ выдавил подобие улыбки, неосознанно вертя в пальцах перьевую ручку — подарок Чжу Яня.

— Ты еще слишком молод и не понимаешь всех трудностей.

Всякий раз, когда его охватывала тревога и казалось, что ситуация ускользает из-под контроля, он подолгу разглядывал эту ручку. Воспоминания о событиях прошлых лет помогали ему мгновенно прийти в себя и со спокойным сердцем совершить любую жестокость.

Ли Жун уже собирался ответить, но в этот момент пришло сообщение от Цзян Вэйдэ. Студент осекся и на мгновение замолчал. Оставив Чжана томиться в ожидании, он открыл присланное изображение.

Это был скриншот из внутреннего чата «Высокой башни».

[Чжан Чжаохэ: Ли Жун всё-таки слишком импульсивен. Насколько мне известно, Чжу Янь уже готовит ответные меры. Нас ждет мощный отпор]

[Чан Ли: Я тоже не ожидала, что он выложит всё журналистам. К тому же этот репост от знаменитости... Теперь об этом гудит весь интернет]

[Янь Ючжун: Да уж. Никогда еще мы не привлекали столько внимания. Мне даже как-то не по себе, ха-ха]

[Ли Юнши: Ко мне уже друзья и родственники подходят, спрашивают, правда ли это]

[Чжан Чжаохэ: Сейчас не лучший момент для огласки. Своим поступком он фактически противопоставил вас Чжу Яню. Боюсь, теперь на вас начнется открытая травля]

[Чан Ли: Эх, к травле нам не привыкать]

[Янь Ючжун: Чжу Янь в последнее время неважно себя чувствует, вряд ли у него хватит сил на серьезную борьбу]

[Ли Юнши: Пока нет результатов, заявлять о себе на весь мир было преждевременно. Ли Жун поступил опрометчиво, ему явно не хватает рассудительности и выдержки профессоров Ли и Гу]

[Чжан Чжаохэ: Ты слишком строг к нему. Мальчику всего двадцать. Я знаю, как вам хочется, чтобы он стал достойным преемником брата Ли, но не нужно так торопиться]

[Ли Юнши: Да, вы правы, глава. Я погорячился]

[Чан Ли: Может, позвать Ли Жуна и обсудить, как нам всё исправить?]

[Янь Ючжун: ...]

[Чжан Чжаохэ: Исправить что-то уже вряд ли получится. Что взять с ребенка? Придется подождать, пока он повзрослеет]

[Чан Ли: Хм...]

***

Ли Жун прищурился, дочитав до конца.

Чжан Чжаохэ мастерски притворялся его защитником, но на деле методично подрывал его авторитет, выставляя перед коллегами безрассудным, недальновидным юнцом, который творит что вздумается. Чан Ли и остальные совсем его не знали, и под умелым руководством этого человека ложный образ быстро пускал корни в их сознании.

Теперь, что бы Ли Жун ни сказал, они подсознательно будут ставить его слова под сомнение, гадая, не очередной ли это порыв импульсивности, грозящий бедой. Стоило этому предубеждению закрепиться, и даже если в будущем он создаст лекарство, его влияние в группе будет ничтожным. Противник был чертовски умен: он понял, что единственная слабость юноши — его возраст, и бил прицельно в это место.

— Почему ты замолчал? — раздался в трубке голос Чжана.

Ли Жун встряхнулся и легко рассмеялся:

— Ничего, просто задумался о тех трудностях, которых не понимаю.

— Впредь не совершай таких необдуманных поступков, — наставительно произнес Чжан Чжаохэ. — Я сам поговорю с профессорами и всё им объясню.

— Это будет не совсем вежливо с моей стороны, — возразил Ли Жун. — Давайте лучше встретимся все вместе и проясним ситуацию лично.

Глава Группы замялся, но юноша не дал ему возможности отказаться, просто повесив трубку.

***

Второе совещание группы было назначено на среду, но на этот раз пригласили только нескольких специалистов из биохимического отдела. В отличие от прошлых встреч, инициатором выступил Цзян Вэйдэ — он лично зашел в кабинеты коллег в Исследовательском институте «Хунсо», полностью проигнорировав Чжан Чжаохэ.

Сделало ли это его намеренным или нет, Ли Жун не волновало. Юноша и сам не горел желанием общаться с Чжаном — ему нужно было заручиться поддержкой Чан Ли и её коллег.

Студент еще был на занятиях. Преподаватель по какой-то причине задержал их на несколько минут, поэтому он приехал последним.

Когда машина остановилась у ворот «Хунсо», Ли Жун глубоко вздохнул и сжал ладонь Цэнь Сяо:

— Я пошел. Смотри, играй убедительно.

Тот ответил крепким рукопожатием:

— Иди.

Ли Жун вышел из машины, поглубже натянул кепку и, обменявшись парой слов с охранником, прошел на территорию. В последнее время он бывал здесь часто, и охрана уже принимала его за родственника профессора Цзяна.

Войдя в кабинет Цзян Вэйдэ, юноша, как и ожидал, не увидел там Чжан Чжаохэ. Зато Чан Ли и остальные были в сборе и, судя по всему, уже вовсю обсуждали воссоздание «Люйиньской».

Ли Жун виновато улыбнулся:

— Простите, занятия в университете затянулись, я опоздал.

Чан Ли выглядела обеспокоенной, но её голос оставался мягким:

— Ли Жун, ну зачем же ты рассказал об этом прессе? Мы ведь только начали... Боюсь, теперь нам будут мешать.

— Что сделано, то сделано, — вздохнул Ли Юнши. — Придется действовать по обстоятельствам. Профессор Цзян как раз проанализировал ситуацию и считает, что шансы на успех весьма велики.

Янь Ючжун промолчал. Среди них он был самым решительным и не разделял тревог коллеги.

Напротив, он считал, что общественный контроль не позволит врагам действовать слишком нагло.

Ли Жун терпеливо слушал, не спеша с оправданиями. Вместо него заговорил Цзян Вэйдэ:

— Коллеги, я считаю, что время сомнений прошло. «Люйиньской» ждут миллионы, это воля народа, и нам не стоит колебаться.

Не успел он закончить фразу, как зазвонил внутренний телефон. На экране высветился пост охраны. Цзян Вэйдэ нахмурился, но трубку снял.

Выслушав сообщение, он в замешательстве повесил трубку и бросил долгий взгляд на Ли Жуну.

— Что случилось, профессор? — спросила Чан Ли.

— Тут некий... Цэнь Сяо из Девятого района требует встречи со мной, — признался Цзян Вэйдэ. — У него удостоверение сотрудника Девятого района, охрана не решилась его задерживать.

Профессор не знал, в каких отношениях сейчас состоят юноша и этот капитан, но раз Ли Жун решил сотрудничать с «Высокой башней», значит, его пути с «Ланьшу» разошлись. А ведь Цэнь Сяо — сын председателя Третьего района Объединенной палаты. Девятый район может быть нейтральным, но сын Цэнь Цина — точно нет.

Ли Жун на мгновение замер, а затем опустил глаза, в которых отразилась тщательно скрываемая горечь. Чан Ли и её коллеги, хоть и жили наукой, прекрасно знали о конфликте между «Хунсо» и «Ланьшу».

— Зачем Девятому району вызывать вас? — растерялась женщина. — С каких это пор мы их заинтересовали?

— Ты разве не слышала фамилию? — напомнил Ли Юнши. — Цэнь, как у Цэнь Цина. Прикрывается Девятым районом, а сам — человек Объединенной палаты.

— Но что ему здесь нужно? Неужели пришел вставлять нам палки в колеса?

Янь Ючжун медленно покачал седой головой.

— Профессор Цзян, что думаете?

Поскольку Чжан Чжаохэ отсутствовал, все ждали решения от Цзян Вэйдэ.

— Я найду предлог и выставлю его вон, — раздраженно бросил профессор. — Это же не Хань Цзян, в конце концов, с чего бы мне его принимать.

— Лучше я сам с ним поговорю, — негромко произнес Ли Жун. — Ведь он пришел за мной.

Цзян Вэйдэ готов был согласиться, но боялся, что юноша не справится с давлением. Однако не успел Ли Жун выйти, как Цэнь Сяо уже стоял на пороге. Он лишь символически стукнул в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел в кабинет.

В сотрудниках Девятого района всегда жила эта спесь, и этот человек не был исключением. Он обвел присутствующих пренебрежительным взглядом, ни на ком не задерживаясь, пока его глаза не встретились с застывшим в напряжении Ли Жуном.

Он сделал два шага вперед, сокращая дистанцию, и недобро улыбнулся:

— Неплохо. Значит, GT201 уже в работе?

Веки Ли Жуна дрогнули. Было заметно, как ему неприятна эта близость, но он стоял у самой двери, и отступить было некуда. К тому же любая попытка отойти выдала бы его слабость. Студент поднял взгляд и с холодным безразличием посмотрел прямо в глаза собеседнику.

— Капитан Цэнь, дела «Хунсо» Девятый район не касаются, не так ли? — резко вмешался Цзян Вэйдэ.

Цэнь Сяо даже не удостоил его взглядом. Он лишь слегка склонил голову набок, бесцеремонно разглядывая юношу.

— Занимайтесь чем хотите. Я пришел за своим человеком.

— Кто это здесь твой человек?! — в голосе Ли Жуна прорезался гнев. Он сдвинул брови и смотрел на капитана с нескрываемым возмущением.

Тот лишь вскинул бровь. Ни тени раздражения — напротив, он панибратски положил ладонь на спину Ли Жуна.

— Ты использовал «Ланьшу», чтобы отомстить, а теперь, когда дело сделано, решил вышвырнуть нас как ненужный хлам?

Его ладонь медленно скользнула вниз вдоль позвоночника Ли Жуна, задерживаясь на каждом

позвонке. Движение было мягким, но в нем чувствовалась неоспоримая власть. Юноша ощутил, как кожа под тонкой тканью рубашки начинает гореть. Мышцы его непроизвольно напряглись, а дыхание сбилось.

— Я никого не вышвыривал. Я всё тебе ясно объяснил.

Цэнь Сяо язвительно усмехнулся и дважды легонько похлопал собеседника по копчику.

— Мне кажется, ты теряешь связь с реальностью. Когда семья Ли разорилась и ты погряз в долгах, кто поручился за тебя? Кто протянул руку помощи, когда в школе тебя травили детишки из «Хунсо», а тебе не на что было даже пообедать? Когда «Сухэ» была в зените могущества и ты остался совсем один, кто предложил тебе защиту? Где были эти люди из «Хунсо», что стоят сейчас перед тобой?

Ресницы Ли Жуна затрепетали. Он закусил губу и промолчал, опустив голову. Его тонкая белая шея, на которой часто билась жилка, казалась сейчас невероятно хрупкой. Со стороны это выглядело так, будто под тяжестью обвинений он окончательно пал духом и не находит слов для ответа.

Чан Ли и остальные поначалу собирались вызвать охрану, возмущенные наглостью гостя, но слова капитана заставили их замереть. Оставив в стороне издевательский тон, они осознали, какая бездна открывается за этой фразой.

Женщина растерянно посмотрела на Цзян Вэйдэ:

— О чем это он? Какие долги? Какое «нечего было есть»?

Профессор Цзян помрачнел. Очевидно, прямота Цэнь Сяо больно задела его за живое, но он сохранял самообладание и не стал задавать вопросов при постороннем. Однако Чан Ли, движимая чувствами, уже не могла молчать. Она повернулась к коллегам:

— Вы слышали? Неужели это правда?

Янь Ючжун выглядел ошеломленным, а Ли Юнши, глядя на реакцию Ли Жуна, кажется, уже всё понял.

Чан Ли схватила юношу за руку:

— Ли Жун, что значит «погряз в долгах»? Разве компания не прошла процедуру банкротства? Нам говорили, что после аукциона всё было выплачено. Сказали, что родители оставили тебе крупную сумму и ты ни в чем не нуждаешься!

Тот горько усмехнулся и уклончиво ответил:

— Всё это в прошлом.

Но капитан не собирался отступать:

— Кого из вас, профессора, накормили этой сказкой? Огромные долги семьи Ли до сих пор висят под поручительством нашего Третьего района. Ли Жун сам зарабатывал на жизнь репетиторством, пока учился в выпускном классе. Если бы не наша защита, ваши «благородные» выходцы из «Хунсо» давно бы вышвырнули его из Школы А.

Цэнь Сяо снова перевел взгляд на юношу и, по-хозяйски обхватив его за талию, притянул к себе.

— Мой дорогой одноклассник так униженно умолял меня о помощи, что я не выдержал и решил сжалиться. А теперь он задумал меня предать.

Ли Жун покачнулся и оказался в его объятиях. Лицо его вспыхнуло от стыда и гнева, но он сдерживался из последних сил. В том, что он использовал Третий и Первый районы, действительно была его вина.

Чан Ли не могла в это поверить. Она выпустила руку юноши и отшатнулась, ища опору у коллег.

— Как же так... Он ведь говорил, что долгов нет. Говорил, что у Ли Жуну полно денег. Сказал, чтобы мы его не беспокоили, дали прийти в себя...

Под этим «он» она, разумеется, подразумевала Чжан Чжаохэ. После трагедии они рвались к Ли Жуну в больницу, но тот был в коме. Позже Чжан Чжаохэ заявил, что состояние юноши крайне нестабильно, его забрал дядя, и сейчас Ли Жуну нужны только покой и забота близких. Появление коллег родителей могло стать для него слишком тяжелым ударом.

Они хотели втайне собрать денег, боясь, что после продажи дома Ли Жуну негде будет жить. Но Чжан заверил их: у бабушки юноши процветающая торговая компания, а дядя, работающий водителем у ректора, владеет несколькими квартирами. Лишняя жалость, мол, только ранит гордого мальчика.

Они поверили.

А теперь выясняется, что все эти годы Ли Жун жил в нищете и долгах, перебиваясь случайными заработками? Ли Юнши и Янь Ючжун, какими бы далекими от жизни они ни были, осознали: правда, которую им скармливали, была гнилой насквозь. Цзян Вэйдэ же окончательно убедился, что в словах Чжан Чжаохэ нет ни капли истины.

Для Чан Ли это стало моментом горького прозрения. Её захлестнули шок, раскаяние и жгучая жалость к юноше. Внезапно она поняла, что у неё нет права обвинять Цэнь Сяо. Тот был прав: в самый тяжелый для семьи Ли момент Институт «Хунсо» спрятал голову в песок, «Высокая башня» осталась сторонним наблюдателем, а реальную помощь оказала Объединенная палата.

И теперь они, как ни в чем не бывало, зовут Ли Жуна обратно, взывая к долгу перед родителями. Это ли не высшее лицемерие?

Адамов кадык юноши дернулся. Он накрыл ладонью руку Цэнь Сяо на своей талии и с силой оттолкнул её.

— Группа «Высокая башня» — это дело всей жизни моего отца, и я обязан туда вернуться. Всё, что я задолжал тебе, я постепенно верну.

— Я хочу, чтобы ты вернул долг сейчас, — ледяным тоном отрезал капитан.

— Не дави на меня, — нахмурился Ли Жун.

Тот усмехнулся и достал из папки приглашение, скрепленное печатью. Он ткнул им прямо в лицо юноше.

— Ты ведь хочешь воссоздать «Люйиньшуй»? Четвертый район Объединенной палаты справится с этим не хуже «Хунсо». Вот приглашение за подписью председателя Ху Юймина. Помощники, лаборатории, производственные линии — всё будет предоставлено немедленно. С одним условием: «Люйиньшуй» будет принадлежать «Ланьшу».

— Руки у вашего «Ланьшу» коротки! — вскипел Цзян Вэйдэ, указывая на дверь.

Взгляд Ли Жуна упал на приглашение. Пальцы его непроизвольно сжались, и он горько усмехнулся:

— Чем же я заслужил личное приглашение от самого господина Ху?

Цэнь Сяо, проигнорировав выпад профессора, небрежно засунул приглашение юноше за воротник, прямо к груди. Жест был вызывающе интимным и властным. Заметив, как острый край бумаги оставил красную полоску на бледной ключице, он тихо рассмеялся:

— Разумеется, тем, что только ты можешь создать этот препарат.

Порой признание врага звучит убедительнее похвалы друга. Если Ху Юймин готов открыть лабораторию и запустить производство, значит, он ни на йоту не сомневается в способностях Ли Жуна. Эти два года юноша был среди людей Объединенной палаты, и они знали его

истинную цену.

Чан Ли почувствовала укол тревоги. Честно говоря, в глубине души они всё еще сомневались в способностях Ли Жун из-за его молодости. Но если даже такой прожженный делец, как Ху Юймин, делает на него ставку, значит, они недооценивали юношу. Ли Жун был куда сильнее и талантливее, чем они смели надеяться.

Цзян Вэйдэ, и без того ненавидевший Ху Юймина, при упоминании его имени буквально вскипел.

— Передай Ху Юймину, что он опоздал! — отрезал он. — В Институте всё готово, и эксперименты начнутся уже на этой неделе. Пусть господин Ху поумерит аппетиты, как бы не подавился.

Ли Жун с видом глубокого унижения достал помятое приглашение из-за ворота. Но услышав слова профессора, он поднял на него полные надежды глаза и робко переспросил:

— Правда? Мы начнем уже на этой неделе?

— Мы немедленно согласуем графики! — вскричала Чан Ли, охваченная внезапным порывом. — С этим нельзя медлить, начнем сейчас же! Два года назад нас обманули, и тебе пришлось несладко... Поверь, мы не... эх!

Она осеклась, не зная, как подобрать слова. Сказать Ли Жуну, что все они стали жертвами лжи Чжан Чжаохэ? Женщина пока не была готова к открытому разрыву — слишком многие в группе всё еще слепо верили Чжану. Прозрение пришло лишь к немногим, и превращать организацию в полосу препятствий сейчас было нельзя.

Ли Жун тронут кивнул, и в его глазах блеснули слезы.

— Хорошо. Я обещаю, что не подведу вас. Мы будем работать сообща. «Люйиньской» — это наследие моих родителей, и оно должно принадлежать Группе «Высокая башня».

Он повернулся к Цэнь Сяо и, глядя на него повлажневшими глазами, твердо произнес:

— Капитан Цэнь, я верну всё, что должен тебе и Объединенной палате. Но «Люйиньской» — это моя черта, которую я не переступлю. Я никогда не отдам его «Ланьшу».

— Боюсь, это уже не тебе решать, — холодно бросил капитан.

Ли Жун выпрямился, и в его взгляде вспыхнул азарт:

— Что ж, тогда попробуй заberi.

***

Совещание, прерванное появлением незваного гостя, на этом закончилось. Ли Жун поспешно удалился, сославшись на занятия. Цзян Вэйдэ отправился придумывать оправдания для Чжан Чжаохэ, а Чан Ли и её коллеги поспешили готовить лабораторию. После того как Ху Юймин открыто заявил о своих притязаниях, времени на раскачку не осталось. Если этот старый лис начнет строить козни, им придется несладко.

Выйдя за ворота Института, юноша попетлял по переулкам, поглубже натянул кепку и нырнул в машину Цэнь Сяо.

Он шумно выдохнул, стер выступившую влагу из уголков глаз и победно улыбнулся партнеру.

— Приглашение от Ху Юймина — твоя подделка?

Цэнь Сяо достал салфетку и бережно промокнул следы слез на его щеках.

— Если играть, то до конца. Это подлинник. Даже если они решат проверить, подпись Ху Юймина настоящая.

Ли Жун искренне удивился:

— Он так легко тебя слушает?

Капитан отбросил салфетку и, осторожно отогнув воротник рубашки юноши, осмотрел красную царапину от бумаги.

— Теперь, когда «Высокая башня» вышла из тени, Ху Юймин с удовольствием посмотрит, как они сцепились с руководством Института. Он надеется извлечь выгоду из этого хаоса. Старый лис хитер как черт.

Краснота на ключице почти сошла. Ли Жун не удержался от ироничной шпильки:

— Скажи честно, это у тебя еще с прошлой жизни такая тяга — совать мне всякие вещи под одежду?

Цэнь Сяо отпустил его воротник и, притянувшись ближе, коснулся губами его губ.

— Тяга-то есть, — прошептал он. — Но если уж совать, то только моё.

<http://bllate.org/book/15351/1574281>